

А. В. Скрябина

**ОЛЯ CRAZY: ПОВЕСТЬ Н. КОНОНОВА «ИСТОЧНИК УВЕЧИЙ»
В ЗЕРКАЛЕ ОДНОГО КИНОФИЛЬМА**

Рассматривается интертекстуальная связь повести Н. Кононова «Источник увечий» и фильма А. Роу «Королевство кривых зеркал». Выделяются и описываются универсальные культурообразующие архетипы двойничества, актуальные для данных произведений.

This article considers the intertextual connection between N. Kononov's novel The Source of Mutilation and A. Rou's movie Kingdom of Crooked Mirrors. The author identifies and describes the universal culture-forming Doppelgänger archetypes relevant to both works.

Ключевые слова: Н. Кононов, двойничество, семиотика зеркала.

Key words: N. Kononov, Doppelgänger, semiotics of the mirror.

Мне нечего бояться. Пустая суеверность. Вот я напишу опять это слово. Олакрез. Зеркало. И ничего не случилось. Зеркало, зеркало, зеркало. Сколько угодно, — не боюсь. Зеркало. Смотреться в зеркало.

В. Набоков «Отчаянье»

Страх перед зеркалом проистекает из веры в то, что между человеком и его зеркальным отображением существует магическая связь. Отголоском этих представлений стала мифологема о прекрасном Нарциссе, влюбившимся в собственное отражение. Юноша не мог оторваться от лицемерия самого себя и умер от любви к себе. По одной версии мифа Нарцисс понимал, что он испытывает страсть к самому себе. По другой — свое отражение герой принимал за другого человека. Как бы там ни было, согласно толкованию Ватиканского анонима, Нарцисс, «увидев в текущей природе материи свою собственную тень, т.е. внутри материи — живое существо, которое является последним образом истинной души, и, постаравшись обнять эту душу как свою собственную (то есть, возлюбив живое существо ради него самого), он задохнулся, утонув, как если бы погубил истинную душу, — это то же самое, как если бы сказать, что погубил свою истинную, подобающую ему жизнь» [6].

Зеркальное отражение всегда оказывало влияние на человека, навредило на мысль о возможности существования Второго я, доброго или злого гения. Впоследствии «мотив гения трансформировался в мировой литературе в тему "двойника" и дал начало доброй сотне сюжетов о двойничестве. Он приобрел различные формы — "близнецов", "подброшенных и обмененных братьев", "отделившейся от человека его тени", "бродячей неприкаянной души", "вампира" и т.д.» [4, с. 581]. Подобный феномен можно назвать зеркальным двойничеством. Другой — это отражения светлой или темной стороны героя, его добрый или злой гений, alter ego. В психологии под термином alter ego подразумевают

одну из множества личностей, появившихся в результате психического расстройства. В филологических же науках нет традиции употребления данного термина, поэтому для обозначения альтернативной личности героя мы будем использовать понятие Другой. Зеркальное двойничество — это расслоение сознания, при котором персонаж периодически позиционирует себя как Другого.

В мрачно-фарсовой повести Н. Кононова «Источник увечий» главный герой вступает в контакт с персонажами, которых породили его фантазии — его зеркальные двойники.

Повесть Н. Кононова очень непроста для восприятия. В произведении содержится множество цитат и отсылок к другим текстам, в том числе и к вербально-визуальным. Один из таких текстов — фильм-сказка «Королевство кривых зеркал», снятый в 1963 г. режиссером Александром Роу по одноименной повести Виталия Губарева.

Связь повести Н. Кононова и фильма А. Роу прослеживается на нескольких уровнях текста: на уровне хронотопа, системы персонажей и сюжета.

Хронотоп. Основное действие в фильме А. Роу разворачивается в сказочном государстве. Главная героиня, девочка Оля, проходит сквозь зеркало и попадает в Королевство кривых зеркал. Олю поражает дисгармоничность и абсурдность зазеркалья. Власть в Королевстве узурпировали лжецы, которые наживаются на рабском труде населения. Им выгодно, чтобы жители страны воспринимали реальность в искаженном виде. Поэтому основная политика — изготовление кривых зеркал.

В повести «Источник увечий» Н. Кононова нет точного указания на время и место, где живет главный герой. Разумеется, читатель невольно соотносит события в повести с советской и постсоветской действительностью. Однако хронотоп весьма условен. Персонаж живет в страшное время и в страшной стране, в которой все происходит, как в сказочном Королевстве кривых зеркал, где грань между жизнью и смертью, дружбой и предательством, истиной и ложью, добром и злом очень зыбка. Подобная неопределенность вызывает чувство неудовлетворенности и страха. Создается впечатление, что герой не уверен не только в подлинности окружающего мира, но даже в собственном существовании. Он оказывается на грани безумия. В английском языке есть слово, с помощью которого можно достаточно точно обозначить это состояние, — *crazy*: 1) сумасшедший, безумный; 2) шаткий, разваливающийся; 3) покрытый трещинами; 4) сделанный из кусков различной формы [3, с.182]. Изменение привычного хода вещей, ощущение приближающейся катастрофы приводит к тому, что сознание героя раздваивается. Мир, в котором он вынужден существовать, рушится, покрывается трещинами, разваливается на отдельные куски. «Все, что случилось позже, находится в некоем безоценочном континууме. В смутной выемке, которую невозможно проградировать. Я не могу с этим разобраться» [1, с. 278]; «Тошнотворными фантомами дыбились тени другого, опустошенного моим отсутствием, обезумевшего от горя города, гнутые эпохи родного, стосковавшегося по мне скудного ландшафта, белые искры лучшего времени года, откуда я навсегда изъят» [1, с. 286]. Использование отрицательных и неопределенных конструкций (*в некоем безоценочном кон-*

тинууме, невозможно, не могу) является одним из художественных приемов, отражающих особенности авторского мировоззрения. У Н. Кононова логическое отрицание обрастает образностью и зачастую представляет собой непосредственную рефлексию героя в момент высшего душевного напряжения. Персонаж обречен на страдание, боль и одиночество, он постоянно ощущает собственную неполноценность, опустошенность. Осмысление пустоты как несуществования после уничтожения (*выемка, опустошенный отсутствием, изъят*) отражается в самой семантической структуре лексемы «пустота», в которой доминирующее место занимает сема отсутствия, отрицания. Герой тщетно пытается восстановить утраченную связь с миром, но постоянно терпит неудачу, так как страдает раздвоением личности. Он не догадывается, что источник увечий — его мозг, пораженный болезнью.

Система персонажей. Дисгармоничный мир для героя Н. Кононова — глубоко отвратителен и страшен. По смутным и отрывочным воспоминаниям можно предположить, что до определенного времени он был доволен своей жизнью и пребывал в гармонии с миром. Но в результате «постепенного снашивания, "срабатывания" космического начала в хаосе» [2, т. 2, с. 10], окружающая действительность рушится. Именно в этот момент герой знакомится с Овечиным, который является его зеркальным двойником.

В фильме А. Роу привычный ход вещей нарушается, когда главная героиня, третьеклассница Оля, проходит сквозь волшебное зеркало и оказывается в Королевстве кривых зеркал, где сталкивается со своим отражением — девочкой по имени Яло (имя Оля в зеркальном отражении). Яло по отношению к Оле — «карнавальная пара» и воплощает все ее недостатки: рассеянность, лень, чрезмерную любовь к сладкому, неаккуратность, боязливость. Но если в фильме Оля прекрасно осознает, что Яло — это одна из ее сущностей, то в повести «Источник увечий» герой долгое время даже не догадывается, что друг юности, успешный, циничный, беспринципный Овечин — это его зеркальный двойник, злой гений.

В повести Н. Кононова и в фильме А. Роу представлена «трафаретная система действующих лиц» [5, с. 215]: каждый персонаж — двойник Другого, а в конечном счете все они двойники главного героя. «Трафаретная система действующих лиц» предполагает существование в тексте как минимум трех персонажей, способных на определенном этапе сюжета замещать друг друга. Именно появление третьего действующего лица вносит коллизию в произведение.

В фильме А. Роу таким героем становится зеркальщик Гурд (Друг). Он, как и Яло, — двойник Оли, но при этом воплощает ее положительные качества: честность, способность к самопожертвованию, бесстрашие.

В повести «Источник увечий» Н. Кононов тоже использует такую систему действующих лиц, где есть главный герой и два двойника, представляющие разные его сущности. Троице «Яло — Оля — Гурд» соответствует троица «Овечин (в какой-то степени он принимает на себя функцию Друга) — главный герой — Оля».

Н. Кононов вводит в повествование нового персонажа, девушку Олю, не случайно. Как и Оле из фильма А. Роу, ей отведена роль спасительницы. В переводе с древнескандинавского языка Ольга — это «священная, светлая». Невинная, чистая Оля притягивает героя. Она воплощает его светлую сторону, является его добрым гением. Герой начинает догадываться, что Овечин не самостоятельная личность, а одно из проявлений его сущности, только когда влюбляется в девушку Олю. Именно ей суждено развеять зеркальные чары и спасти своего Друга, которого поработил Овечин.

Сюжет. В повести Н. Кононова персонаж с именем Оля исполняет роль искупительной жертвы.

Герой, примерив маску злодея Овечина, дважды предает ее. Спустя много лет, уже после смерти Оли, герой узнает, что у него есть дочь, удивительным образом похожая на него и на Овечина одновременно: «На меня с гнутаго прямоугольничка посмотрела моя чудесная тень, похожая на Овечина и длинной шеей, и посадкой головы, и испытующим взглядом, и выбившимся из волны коротких кудрей немного оттопыренным ухом» [1, с. 291]. Герой и Другой, злой двойник Овечин, совмещаются в фотографии, которая принимает на себя функцию кривого зеркала («гнутый прямоугольничик»). Фотография дочери, которую, как и мать, зовут Оля, убеждает героя в том, что Овечин — плод фантазии. Источник увечий — это он сам. Осознав это, действующее лицо, чтобы окончательно уничтожить пагубное влияние своего злого гения, решает на самоубийство. Уничтожив себя, он избавится и от Овечина. Перед смертью герой подготавливает, очищает себя. Снимает всю одежду, сбрасывает с тела волосы, освобождается от семени, а потом обнаженный и легкий выходит на балкон, чтобы исчезнуть навсегда из мира. Обратим внимание на то, что освобождение от чар происходит именно на балконе. Герой смотрит вниз на людей, которые пытаются предотвратить самоубийство, и понимает, насколько вся его жизнь была смешной, нелепой и никчемной. Чтобы разрушить чары, нужно разбить кривое зеркало. Страшный Овечин, «черный человек», оказался всего лишь отражением в кривом зеркале:

Овечин!

Будь внимателен!

Прочитай-ка наоборот это слово!

ничевО!

Ошибки не считаются, важен смысл! [1, с. 299]

Н. Кононов с помощью языковой игры (фамилия Овечин представляет собой палиндром) раскрывает истинную сущность двойника: Овечин — это не человек, а пустота, «ничего».

В фильме А. Роу Оля и ее двойник Яло (в повести Н. Кононова одним из двойников Оли является ее дочь, которая носит имя матери), чтобы разрушить магию, остановить порочное удвоение мира, спасают от казни мальчика Гурда (Друга), отказавшегося делать кривые зеркала. Преодолев множество препятствий, Оля и Яло взбираются на Башню смерти (в повести Н. Кононова Башне смерти соответствует балкон, с которого герой прыгает вниз), где заточен Гурд, и освобождают маль-

чика. Оля, Яло и Гурд, стоя на вершине Башни смерти, поют пионерскую отрядную песню «Флажок», которая развеивает чары Королевства кривых зеркал.

Повесть Н. Кононова заканчивается не так оптимистично. Героя «спасают», ему не дают умереть после неудачной попытки самоубийства. Овечин не исчез, а лишь затаился на время. Пустота, *ничего*, поглотит героя.

Список литературы

1. Кононов Н. Магический бестиарий. М., 2002.
2. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1988.
3. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1965.
4. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
5. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
6. Ватиканский аноним. О невероятном // История Древнего Рима : [сайт]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/anon-greek/incred-f.htm> (дата обращения 21.06.2013).

Об авторе

Алиса Вадимовна Скрябина — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: alisa.skr@gmail.com

About the author

Alisa Skryabina, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: alisa.skr@gmail.com